

КОНДРАТЮК Г.Н.

«ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН КРЫМА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)».

В статье анализируется эволюция принципов проведения этноконфессиональной политики в отношении мусульман Крымской АССР в 20-30-х годах XX века. В отношении ислама государственная политика 1920-х годов отличалась мягкостью: РКП(б) не хотела грубой антирелигиозной деятельностью сформировать мусульманскую оппозицию. В 1930-х годах активизировался процесс закрытия и сноса мечетей, репрессирования мусульманских священнослужителей.

Ключевые слова: национальная политика, мусульмане, религиозная политика, Крымская АССР.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Украина является полиэтническим и поликонфессиональным государством, и национально-религиозная политика относится к числу приоритетных направлений работы в области государственного строительства. Национально-религиозная политика в Украине должна позволить сохранить гражданский мир и взаимопонимание как базовые условия успешного социально-экономического развития. Настоятельной потребностью сегодняшнего дня является формирование новой законодательной базы в области религиозных отношений. Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях», принятый в апреле 1991 года, нуждается в существенном обновлении.

В Автономной Республике Крым насчитывается одна из самых больших в стране численность мусульман. Общая численность мусульман в Украине превышает 2 миллиона человек. Процессы возрождения ислама в Крыму не однозначны и обращение к историческому опыту религиозной политики советского государства может позволить сделать современную политику более эффективной. Ислам в современном мире чрезвычайно динамичен. Во многих европейских государствах существуют большие мусульманские

общины. Так, в ФРГ численность мусульман превышает 5 миллионов человек. Можно утверждать, что один из главных вызовов для Европейского Союза - это поиск эффективной модели национально-религиозной политики.

В Украине необходим учёт как европейского опыта мультикультуралисткой политики, так и обращение к отечественной специфике этноконфессиональной политики.

Цель публикации состоит в том, чтобы осуществить анализ реализации этноконфессиональной политики в Крыму в отношении мусульман.

Самым масштабным советским экспериментом в области национально-религиозных отношений стала коренизация межвоенного двадцатилетия. К проблематике коренизации обращались как отечественные, так и зарубежные авторы. Национальная политика в отношении тюркских народов рассматривалась такими отечественными историками как Р.Г. Ланда, Д.А. Аманжолова. Работа востоковеда Роберта Григорьевича Ланда была одной из первых, в которой с новых методологических позиций рассматривалась линия «ислам - тюркские народы - советское государство». Автор утверждает, что национальная политика обеспечила «социокультурный рывок мусульман СССР, который по новому ставил многие проблемы

в стране, в том числе этнического, религиозного и гражданского самосознания. Для всего периода существования СССР был характерен процесс достаточно гибкого приспособления структур местного общества и учреждений ислама к существованию в рамках советской государственности» [1, с.240]. В работе Д.А. Аманжоловой проанализирована модель самоуправления в форме сельских советов для мусульманских народов. Автор изучила также деятельность Отдела национальностей ВЦИК в области координации национальной политики в Средней Азии и на Северном Кавказе [2, с.74]. Советская политика коренизации вызвала значительный интерес современных европейских и американских историков. Терри Мартин в своей работе анализировал этнические конфликты на советском Востоке и по характеру их урегулирования выделил татарскую, казахскую и узбекскую модели [3, с.82-104]. Абид Халид обратился к изучению трансформации джадидизма в 1917-1920 годах в Средней Азии [4, с.180-220]. Формирование новых административно-территориальных единиц в рамках советской национальной политики, в частности Башкортостана, проанализировано Дэниэлом Шейфером [5, с.202-235].

Формирование этноконфессиональной политики в отношении мусульман было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Один из главных внутренних факторов – перехватить инициативу у движения национальной интеллигенции, выросшей из джадидизма. Представители национальной интеллигенции пользовались огромным авторитетом у крестьянства. Революция вызвала подъём творческой энергии тюркско-мусульманских народов.

Специфика этноконфессиональной политики в отношении тюрко-мусульманских народов заключалась также в форме созданной автономной республики. Тюрко-мусульманские народы получали статус для своих административно-территориальных единиц в форме республики, края или области. Границы этих образований и объём полномочий определялись многими факторами. На I Всекрымском съезде советов Крым был объявлен автономной советской социалистической республикой. Одним из

главных факторов создания республики являлся внешнеполитический. Надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались. Выступления коммунистов в Баварии, Венгрии в 1918 году завершились поражением. Вектор внешнеполитических надежд был обращён на мусульманский Восток: Турцию и Иран. Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности мусульманских народов находят решение. Советский Союз предлагает свой вариант модернизации для тюркского мира, основанный на принципах коммунистической партии, а не кемалистов. В свою очередь крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на мусульманском Ближнем Востоке.

В 1921 году в Москве состоялся II Всероссийский съезд Мусульманских Коммунистических организаций. В резолюции по партийно-организационному вопросу отмечалось, что «наша коммунистическая партия централизована в боевой штаб, борющийся за всемирную революцию против тёмных сил» [6, л.4]. Съезд принял решение об организации Центрального бюро Организаций Народов Востока. Центральное Бюро формировалось из 7 человек. Задача Центрального Бюро состояла в том, чтобы направить и координировать всю партийную работу через областные бюро в мусульманских республиках. Центральное Бюро формировалось из отдела международной пропаганды, издательского, информационного и организационного. Необходимо отметить, что в работе II съезда принял участие представитель Крыма Исмаил Фирдевс. И. Фирдевс вынес на рассмотрение съезда проект резолюции по докладу заместителя председателя Центрального бюро Коммунистических Организаций Народов Востока. Резолюция отмечала, что съезд «рельефно и отчётливо выразил взгляд коммунистов-мусульман на постановку национального вопроса среди трудовых татарских масс» [7, л.3].

Уровень религиозности народов живших в Крымской АССР в межвоенный период был различен. Меньше у русских и украинцев и очень значительный у крымских татар. Отчёт агитпропотдела крымского

обкома РКП(б) констатировал: «Религиозность среди татарского населения велика. Духовенство в жизни крестьянства играет видную роль» [8, л.142].

Аналитический отчёт крымского ОК РКП(б) за январь-апрель 1925 года констатировал: «Религиозность среди татар очень велика, что особенно сказывалось в связи с предстоящими праздниками. Мечеть посещали все за исключением комсомольцев. Постились все, даже учительство. Предсельсовета и т.д. и если даже не постились, то это скрывали от населения, дабы не подорвать свой авторитет. Часты попытки нелегального преподавания Корана» [9, л.22]. Указанные факты свидетельствовали о том, что в реализации политики коренизации крымские большевики оказались в сложной, противоречивой ситуации. С одной стороны, большевики стремились представить себя избавителями от национально-религиозного угнетения мусульман. Но с другой, большевистская доктрина стремилась заменить собою религию, минимизировать ислам в жизни крымских татар, воспитать новое поколение молодёжи – сознательных комсомольцев. В качестве компромисса Центральная Комиссия по делам культов при ЦИК Крымской АССР, разрешила преподавать основы вероучения, но только мальчикам достигшим 14 лет и при мечетях. Так, в феврале 1926 года в Центральную Комиссию по делам культов при ЦИК Крымской АССР обратились представители II Съезда мусульман с просьбой о внесении некоторых изменений в порядок преподавания вероучения. Комиссия дала положительный отзыв и постановила окончательное решение вопроса оставить за Церковной Комиссией Крымского областного комитета ВКП(б) [10, л.1].

Региональные столы культов при Районных Исполнительных Комитетах стремились установить контроль за священнослужителями, отслеживать уровень религиозных настроений среди населения.

В информационном отчёте за апрель-июнь 1925 года фиксировалось, что «муллы пользуются громадным авторитетом и влиянием на местную жизнь. Сборы на их содержание среди населения являются почти обязательными. В связи с вовлечением

татмолодёжи в союз комсомола и пионеров, муллы встревожены возможностью прививки атеизма, и принимают меры к пресечению, действуя через стариков» [11, л.112].

Крымский обком РКП(б) внимательно отслеживал настроения основных социальных групп. В записке «Политическое состояние Крыма» фиксировалось: «Среди мусульманского духовенства продолжается усиленная деятельность по вовлечению крестьянства в религиозные общества. Происходит сбор пожертвований для поездки в Мекку... Мусульманское же духовенство, с целью отвлечь внимание женщин и молодёжи от клуба и школы, стремится организовать кружки и религиозные клубы, проповедуя о том, что женщина не может заниматься общественным делом» [12, л.9].

В информационном отчёте «Состояние религиозного движения в Крыму» характеризует события 1927 года. Особенное внимание уделено процессам, происходящим в среде крымских татар: «Мусульманское духовенство внутри себя делится на 2 ориентации: регистров и прогрессистов. Первое является более реакционной и антисоветской... Вторая же ориентация прогрессистов является более лояльной к советской власти и разделяет учёбы молодёжи в советском духе, а также просвещение деревни» [13, л.36].

Середина 1920-х годов отличалась определённым ослаблением негативного воздействия государства. Одна из причин в том, чтобы в рамках политики коренизации не стимулировать недовольства и сопротивления со стороны крымских татар. В 1928 году в Крыму функционировало 495 мечетей, насчитывалось 546 служителей культа, действовало 7 школ по изучению Корана [14, л.74].

Сила традиции давала о себе знать и коммунисты крымские татары подвергали критике не вероучительные положения ислама, а отдельных священнослужителей, их человеческие недостатки и слабости. От критики религии в начале 1920-х годов крымско-татарские пропагандисты отказались, продолжая критику отдельных священнослужителей. Глубинная причина заключалась в том, чтобы коренизация

привлекла симпатии крестьянства. Эта эволюция фигурирует в отчёте о антирелигиозной работе татарской секции с февраля 1923 года по март 1924 года. Авторы документа указывают: «В первое время вели крутую и резкую политику по отношению к духовенству. На страницах газет «Новый мир» и «Юная сила» была открыта антирелигиозная кампания и в первый раз в Крыму были критикованы духовенство и религия. Такая же самая работа была проведена и в клубах. В некоторых районах, например в Бахчисарае на дискуссиях о религии принимали участие и муллы, которые остались побеждёнными. ...есть и отрицательные стороны такого метода борьбы против религии, но пока, временно пришлось отказаться от этого. Поэтому Татсекция нашла более целесообразным обличение духовных лиц, осмеивание смешных обрядов, чем нападки на сущность религии» [15, л.22]. На осторожности в антирелигиозной работе против ислама указывалось в инструктивном письме рабочего Президиума исполнительного бюро «Союза Безбожников» от 5 июня 1925 года. В нём в частности отмечалось, что «до сих пор антирелигиозная пропаганда во многих случаях отождествлялась с пропагандой против христианства, то для пропаганды среди нацменьшинств необходимо уберечься от этого невольного уклона» [16, л.60]. В апреле 1925 года состоялся I Всесоюзный съезд безбожников, который отметил, что «особо осторожный подход вызывается всей предыдущей практикой царизма. В глазах нацменьшинств царская власть, европейская культура и православная религия являются во многих местах одним целым» [17, л.61]. Для координации антирелигиозной работы среди мусульман при Исполбюро Центрального совета «Союза Безбожников» был создан отдел национальных меньшинств. Дело антирелигиозной пропаганды должно было осуществляться самими представителями тюркских народов. Эта задача чётко фиксировалась в «положении о татарско-башкирской секции Нацмена Центрального Совета Союза Безбожников». В документе отмечалось, что «татарско-башкирская секция руководит работой всех ячеек Союза Безбожников

среди татарско-башкирских народов на основе положения о Нацмене и носит название «Дегиляр» [18, л.11].

Антирелигиозная деятельность осуществлялась в различных формах. Это были лекции, в некоторых случаях театральные постановки. Однако самой жёсткой формой антирелигиозной деятельности являлось закрытие мечетей. Большевистские власти стремились представить ситуацию так, что это сами представители мусульманской общины отказываются от здания мечети. Но подспудно, применяя налоговый механизм, сложность процедур периодической перерегистрации, большевистские власти ставили общины в тупик. Так, на заседании Центральной Комиссии по делам культов при ЦИК Крымской АССР 11 февраля 1926 года рассматривался вопрос о закрытии мечетей в двух населённых пунктах. По итогам обсуждения было принято решение «мечети деревень Разорённый Вакуф и Акчора Джанкойского района ликвидировать – в виду отсутствия верующих, желающих ими пользоваться» [19, л.1]. Здания ликвидированных мечетей власти стремились разобрать, образовавшийся таким путём «строительный материал» передавался Госфондовой комиссии, которая его использовала для строительства гражданских объектов. В ряде случаев здания мечетей приспособивались под школы и клубы. Так, на своём заседании, состоявшемся 18 ноября 1927 года Центральная Комиссия по делам культов приняла решение «мечети «Шамрат», «Кара Халиль», «Курман Али» в городе Карасубазаре и мечети в деревнях Камышлык, Ханлык и Чермалык Карасубазарского района ...ликвидировать, вследствие отсутствия желающих пользоваться ими для культовых целей. Предложить Карасубазарскому РИКу использовать ликвидированные культовые здания в его районе для общепользовательных целей» [20, л.4об].

Не менее важным видом антирелигиозной деятельности направленной к уменьшению роли и значения ислама в жизни крымских татар стала идеологическая работа. Этот вид работы проводился через клубы и избы-читальни. В Симферополе антирелигиозная деятельность осуществля-

лась Центральным Татарским клубом. В 1927 году председателем правления являлся Гафаров. По итогам общего собрания 25 декабря 1927 года была принята резолюция, определявшая основные направления работы: «укрепить наличие старого состава членов клуба, в дальнейшем вовлекать в члены Клуба преимущественно кустарей, неорганизованных рабочих, женщин и беспартийных просвещенцев татар» [21, л. 7].

Вопросы взаимосвязи и практической реализации национальной и религиозной политики рассматривались на областном партсовещании по вопросам национального строительства, проходившем в декабре 1929 года в Симферополе. В резолюции совещания «О национальном строительстве в Крымской АССР» было зафиксировано решение об активизации антирелигиозной пропаганды: «Совещание предлагает усилить наступление против религиозной, антисоветской деятельности духовенства и, в частности, мусульманского и сектантских организаций путём широкого развёртывания антирелигиозной пропаганды» [22, с.12]. «Усиление наступления» подчас вызывало сопротивление мусульман. Эти факты тем более удивительны, потому что тоталитарная система уже укрепилась и любое недовольство советских людей в корне пресекалось. Президиум ЦИК Крымской АССР 31 октября 1928 года постановил закрыть в городе Бахчисарае сразу же 12 мечетей и ликвидировать здания 7 из них. В циркуляре «О недостатках в работе по столам религиозных культов» Центрального Административного Управления Крымской АССР отмечалось, что «Уполномоченный по Госфонду для сноса бывших мечетей в г.Бахчисарае нанял исключительно русских рабочих и приступил к сносу, при чём мечети начали сноситься одна за другой, что придало работам спешных характер. Между тем толпа...возмущаясь выносом «корана» и «табут» русскими рабочими и тем, что работы по сносу вообще производились русскими рабочими...выделили двух делегатов к Председателю Горсовета и для большей убедительности за делегатами пошли ещё человек 65-70. В результате этого протеста разборка мечетей была

приостановлена» [23, л.8]. Ситуация показывает, что на низовом уровне специфика религиозной и национальной политики была далека от советских лозунгов. В начале 1930-х годов этноконфессиональная политика в Крыму ещё формировалась, так чтобы не оттолкнуть от власти мусульман. В 1931 году в Крымской АССР насчитывалось 676 зданий религиозного культа. Из них мечети составляли 468 или 69,2%. Эта цифра показывает, что закрытие зданий других культов происходило медленнее, чем мечетей. Показательным является тот факт, что из общего количества мечетей в Крыму перерегистрировано было только около 100. Остальные не были разобраны и не подвергались сносу. В объяснительной записке постоянной комиссии по культам при ЦИК Крымской АССР эту ситуацию объясняли так: «Сравнивая положение религиозных объединений других толков и направлений, можно прямо сказать, что мусульманизм потерял опору среди татарского населения, если в прошлом мулла был вершителем всех, как государственных, так и духовных дел – сейчас он авторитета не имеет...начали сами отходить от этой линии, много мусульман-служителей культа отказалось добровольно от сана, часть более реакционно настроена была в своё время репрессирована» [24, л.17]. В документе отмечалось, что нужно действовать очень аккуратно и «расторжение договоров должно пройти незаметно, для религиозного населения ни в коем случае не носящее массового характера, для чего необходимо местам тщательно выявить положение каждой мечети в отдельности, настроения религиозного населения, как посещалась в прошлом эта мечеть и посещается ли в данный момент» [25, л.18]. К середине 1930-х годов активизируется процесс закрытия мечетей. Судьба большинства мечетей была схожей – стать строительным материалом для гражданских объектов. Данное положение обсуждалось на заседании Строительного комитета при СНК Крымской АССР. В докладной записке Стройкома отмечалось также, что используются и надмогильные сооружения на кладбищах при культовых объектах: «...в результате

частичного сноса надмогильных сооружений на...кладбище города Симферополя добытый строительный материал использован целиком на плановые стройки: бани, дома правительства, общежития сельхоз ВУЗа, обувной фабрики «Красный Луч» и другие, благодаря чего строительства имеют экономию от перевозок до 100000 рублей» [26, с.79]. «Рационально» с кладбищ при мечетях и церквях должно было использоваться всё. В резолютивной части постановления заседания Постоянной Комиссии при Президиуме ЦИК Крымской АССР по культам, состоявшемся 27 января 1934 года ставилась задача «снос надмогильных сооружений поручить Управлению Коммунального Хозяйства и передать Управлению Исправительно-трудовых учреждений Крыма, для чего заключить с УИТУ соответствующий договор. Имея в виду ходатайство УИТУ о передаче в его ведение части металлических надмогильных сооружений, для изготовления силами заключённых предметов широкого потребления в мастерских ФЗИТК» [27, л.80]. Сакральное устранилось, граница между жизнью и смертью стиралась, никакого страха за содеянное более не было. Устранение религии из жизни человека и общества должно было сформировать новые критерии уже коммунистической морали, где исламским нормам не было места. Мусульманские мечети в начале-середине 1930-х годов стали закрываться массово. Власть создавала специально условия так, чтобы заставить двадцатки отказываться от перезаключения договоров. Так, на заседании Постоянной Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК Крымской АССР в середине 1932 года было принято решение, что «ввиду непрохождения перерегистрации, невыполнения взятых по договорам обязательств, а также и распадом религиозных обществ – расторгнуть договора на нижеследующие здания культа: мусульманские мечети в деревнях Болек-Аджи, Карагурт, Карт-Бий, Биюк-Актачи, Ай-Сабай, Айярча, Котур-Вакуф, Курул-Кипчак, Кангиль, Тюмень, Булгак, Тереклы-Конрад, Ташке» [28, л.27]. Большинство из этих мечетей, под предлогом ветхости и заброшенности,

разбирались. По мнению большевиков не должно было остаться зримого напоминания о религии. Власть этим демонстрировала также свою мощь и способность сокрушить любого идеологического противника. Закрытие мечетей зримо демонстрировало также доминирование новых потребностей и быта людей над историческими традициями. Те мечети, которые не были разрушены, использовались для различных нужд. На этом же заседании Постоянной комиссии по вопросам культов приняли решение мечеть в деревне Никита использовать под склад колхоза «12 годовщина Октября», а мечеть в деревне Кучук-Кой передать под красный уголок [29, л.28].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в реализации этноконфессиональной политики в отношении тюркомусульманских народов можно выделить четыре этапа. Первый датируется 1917-1923 годами. Его хронологические рамки начинаются с момента большевистской революции и продолжаются до XII съезда РКП(б) в апреле 1923 года. Это период поиска концептуальных принципов реализации этноконфессиональной политики, создания национальных автономных республик, возможностей дискуссий о сфере национальных отношений. Возникает удивительный симбиоз исламского движения и коммунистической партии. Между положениями ислама о коллективизме и взаимопомощи и принципами РКП(б) пытаются проводить параллели и видеть общность. Антирелигиозная политика как таковая в Крыму отсутствует. Второй этап может быть датирован с 1923 по 1928 год. Начало этапа обозначается официальным провозглашением коренизации. Коренизация носит творческий, позитивный характер. Мусульманское духовенство пользуется авторитетом и активно действует. Легально работают религиозные школы, ведущие преподавание основ исламского вероучения. Антирелигиозной пропаганды практически нет. Можно отметить только критику мулл, их человеческих недостатков, но не критику ислама как такового. Власть разрешает действовать мусульманским общинам даже не прошедшим часто изменявшимся процедур регистрации. Закрытие мечетей

носит единичный характер. Завершается период судебным процессом по делу Вели Ибраимова, ставшим сигналом наступления на национал-коммунистов в тюрко-мусульманских республиках. Третий этап датируется с 1928 по 1934 годы. После завершения судебного процесса по делу Вели Ибраимова и широкомасштабной чистки, в органы власти и управления пришло новое поколение партийных функционеров. Это были «выдвиженцы», бывшие комсомольцы, воспитанные уже в условиях новых политических реалий. Коренизация приняла формально-статистический характер. Важнейшим направлением была подготовка национального пролетариата из числа мусульман-крымских татар, проводившаяся

через систему профессионального образования. В отношении мусульманского духовенства политика стала несравненно жёстче, началось закрытие мечетей, активизировалась работа «Союза Воинствующих Безбожников» и его «мусульманского» структурного подразделения. Четвёртый этап датируется с 1934 по 1938 год. Это сворачивание практически всех мероприятий коренизации и предельное ужесточение политического курса в отношении ислама. Для данного этапа характерно массовое закрытие мечетей и в большинстве случаев их снос. Завершается этап массовым расстрелом крымско-татарской интеллигенции в апреле 1938 года.

Список использованных источников и литературы:

1. Ланда Р.Г. Ислам в истории России / Р.Г. Ланда. – М.: издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 312 с.
2. Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920-1930-е годы / Д.А. Аманжолова. – М.: Собрание, 2010. – 248 с.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923-1939 годы / Т. Мартин. – М: РОССПЭН, 2011. – 855 с.
4. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни. – М.: РОССПЭН, 2011. – 376 с.
5. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни. – М.: РОССПЭН, 2011. – 376 с.
6. Центральний державний архів громадських об'єднань (ЦДАГО) Ф.1.- Оп.20.- Д.753.- Л.4.
7. Там же. -Д.753.- Л.3.
8. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. П.1.- Оп.1.- Д.388.- Л.142.
9. ГААРК.Ф П.1.- Оп.1.- Д.387.- Л.22.
10. ГААРК. Ф. Р.-663.- Оп.18.-Д.10.-Л.1.
11. ГААРК. Ф. П.1.- Оп.1.- Д.387.-Л.112.
12. ГААРК. Ф. П.1.- Оп.1.- Д.846.-Л.9.
13. ГААРК. Ф. П.1.- Оп.1.-Д.693.- Л.36.
14. ГААРК. Ф. П.1.- Оп.1.-Д.807.- Л.74.
15. ГААРК. Ф. П.1.- Оп.1.-Д.288.- Л.22.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 5407.- Оп.1.-Д.2.- Л.60.
17. ГАРФ. Ф. Р. 5407.-Оп.1.-Д.2.-Л.61.
18. ГАРФ. Ф. Р. 5407.-Оп.1.-Д.12.-Л.11.
19. ГААРК. Ф. Р.663.-Оп.18.-Д.10.-Л.1.
20. ГААРК. Ф. Р.663.-Оп.18.-Д.8.-Л.4 об.
21. ГААРК. Ф. П.7.-Оп.1.-Д.119.-Л.17.
22. Решения IV Пленума ОК ВКП(б). декабрь 1929 года. – Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929.
23. ГААРК. Ф. Р.-663.-Оп.18.-Д.13.-Л.8.
24. ГААРК. Ф. Р.663.-Оп.17.-Д.33.-Л.17.

25. ГААРК. Ф. Р.663.-Оп.17.-Д.33.-Л.18.
26. ГААРК. Ф. Р.663.-Оп.18.-Д.25.-Л.79.
27. ГААРК. Ф.Р.663.-Оп.18.-Д.25.-Л.80.
28. ГААРК. Ф.Р.663.-Оп.18.-Д.25.-Л.27.
29. ГААРК. Ф. Р.663.-Оп. 18.-Д.25.-Л.28.

КОНДРАТЮК Г.М.

ЕТНОКОНФЕСІЙНА ПОЛІТИКА ЩОДО МУСУЛЬМАН КРИМУ В МІЖВОЄННУ ДОБУ (20-30-ТІ РОКИ ХХ СТОЛІТТЯ).

В статті проаналізовано еволюцію принципів проведення етноконфесійної політики щодо мусульман Кримської АРСР в 20-30-х роках ХХ століття. По відношенню до ісламу державна політика 1920-х років вирізнялась толерантністю. РКП(б) прагнула жорсткою антирелігійною політикою не сформувати мусульманської опозиції. В 1930-х роках активізувався процес закриття та знищення мечетей, репресій проти мусульманських священнослужителів.

Ключові слова: національна політика, мусульмани, релігійна політика, Кримська АРСР.

KONDRATJUK G.N.

ETHNOCONFESSIONAL POLICY CONCERNING MUSLIMS OF THE CRIMEA IN THE INTERWAR PERIOD (20-30 S OF THE XXTH CENTURY)

The evolution of principles of ethnoconfessional policy concerning Muslims of the Crimean ASSR in 20-30 s of the XXth century was analyzed in this article. The state policy concerning Islam in 1920s years was peaceable. Processes of closing and demolition of mosques and repression of Muslim clergymen became active in 1930s years.

Keywords: national policy, Muslims, religious policy, Crimean ASSR.